

НА ЗАКЛАДКЕ ПАМЯТНИКА В. И. ЛЕНИНУ.

Г. Е. ЗИНОВЬЕВ произносит с броневика речь рабочим на площади у финляндского вокзала в Ленинграде на том самом месте, где ровно семь лет тому назад впервые выступил перед ленинградским пролетариатом В. И. Ленин.

Водяные орехи

Рассказ Всеволода Иванова

I.

Сильнее в Иртыше гуще чем в Муравьих
верях. Зато воды там густые и тяжелые,
запущенные илом и нарасями. Туда, Ленька
с другими парашками ходил вылавливать
рогульки — водяные
орехи со сверлуп-
кой, плавил на ма-
шинке рога.

Мальчишки забра-
сывали в неподвиж-
но-спящие глади ста-
рые рогульки. Воро-
жили. Тонкие, как
ресницы, стрелозы
неподвижно звенели.
Рыбки устало та-
щались на берег или
вспрыгивали, чу-
тливо цвета орехи
плыли там тыся-
чами.

Жарко пахло ка-
шицей, в тени таль-
ника слышно, словно
кашмировые детены,
блестели допыхи.
Иногда приятно ши-
релись, когда они
спрыгивали.

— Да-а-а-а-а пи-
ти-ти-ти-ти.

Иногда издали
Василий Горю доно-
сился в лодку по
Иртышу гулкий рев
парашки и река то-
же приятно шири-
лась. — Ленька, схва-
ти парашку с рогу-
лками, бежал на
берег.

И не столько за-
свистывала его торговля,
сколько наблюдение
над проносящейся
мимо неизвестной
качкой. Шныряли
на берегу повара;
мыльные и грязные
мыльницы; писаря в
судых лодках —
они у всех писарей —
с бараты с лицами
белые картошки и с
палочками, отворен-
ными бог знает из
чего.

— Штаны на вы-
пуск носят леща-
ны. — с завистью ду-
мал Ленька.

А чистых и новых
одежды на пароходах
было очень много.

II.

В этот день па-
роход привел самый
большой — «Алки-
ва». Он был белее
секара, а синяя тру-
ба совсем походила
на речную сверху
скаристую голову.

Сразу разобрали две пистери льны-
ных рогулек, едва-едва осталось на
доньшике.

Ленька строго скосился на сходни и
решил:

— Пойду на пароход. Вытурят так пусть,

а коли рогулек дать, может, и не вы-
турят.

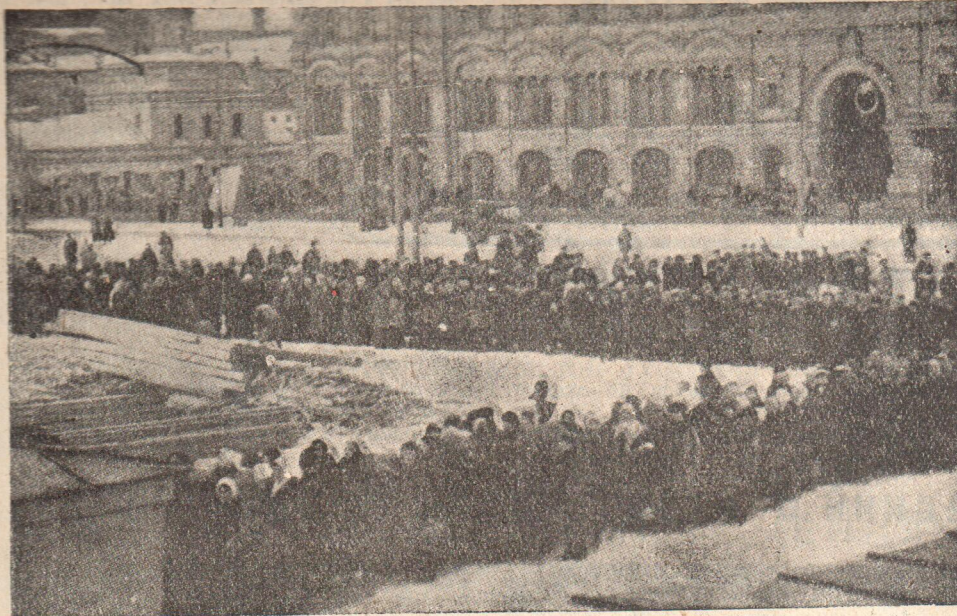
Внизу, подле люков, куда бросают дрова
и рядом с кипящим чаном — он уже
бывал. Матросы, чуть покачиваясь, точно
сеющие мужики, тащили по сходням дрова

Редкий портрет Карла Маркса

Архив «Огонька»

Карл Маркс и его дочь Лаура (жена Поля Лафарга). Снимок-дагерротип относится к семидесятым годам прошлого столетия

Красная площадь. Рабочие и работницы идут к гробу В. И. Ленина.

— На верх надо. Да там, поди, никого и нету. На берег уперлись.

Ленька тесно сжал в руках корзины и полез по железной лестнице.

Вверху, в проходах, жаркая, слегка пахнущая краской пустота. С берега Леньку не видали—он был на борту обращенном к реке.

— Верно, никого нет. Вот дураки с такого места в поселок ушли.

Он устало сел на скамейку, оглядел решетки, перила, пол.

— Крашено все, а у нас только ставни красят.

Затем Ленька пощупал окно, у которого сидел.

— Толсто. У нас в церкви такого нет.

Заглянул—и удивился:

— Вот, халипы, цветы-то каки! А зеркала!

В самой большой комнате у длинного, черного, похожего на розвальни ящика сидела маленькая, капустного цвета девочка, читавшая синюю книжку.

Ленька проглотил слюну и подумал:

— Умная, книжки читает—ни как те, по берегу шляются. Зайду, може—рогульки последни возьмет.

И со всей своей смелостью шагнул в корридор. А стеклянная ручка двери трепыхалась сильнее его сердца.

— Харю налупят или нет?

Девочка оторвалась от книжки и с недоумением уставилась на веснучатого, белоголового паренку в серой дырявой рубашке, коротких обмызганных штанишках—и с корзинами в руках.

— Вам что?—спросила она тихо.

Ленька почесал живот, слегка развел колени и, фыркнув, ответил:

— А ничо. Так.

— Кого же вам?

— Никово. Рогулек, може, купишь?

Девочка пододвинулась и, заглянув в корзину, брезгливо сказала:

— Какие нехорошие ягоды.

— Сама ты ягода,—обидившись, передразнил Ленька:— не знаешь, так молчи. Орехи—рогульки, а не ягода.

Девочка вытянула голосок:

— Орее-хи-и... у меня денег нет, мне мамочка не дает.

Ленька внимательно оглядел ее и подумал:

— Врет, поди. Квелая какая, бытто репа морожена...

— А ты бы слязмила,—предложил он.

— То есть, как?

— Ну поперла, потащила. Понимаешь?

— Ах, украсть! Нет, разве можно? Грешно.

А Ленька серьезно, немного сухо, сообщил:

— Маленьким воровать не грешно. У меня баушка говорит...

— Бабушка твоя ничего не понимает, она неученая.

Ленька, слегка присвистнув, уселся на стул.

— Баушка все знает, она замужем за урядником была, она от лихоманки лечит и зубы заговаривает. А ты мне говоришь—неученая. Брякнет тоже. Рогулек я тебе даром дам, бери.

— А как их брать?

— Сичас, покажу.

Ленька взял со стола блестящий маленький ножичек и чужиную собачку. Наставил ножичек на орех и ударил.

— На-а, трескай!—сказал он девочке, протягивая желтое зернышко.—Ну, как ладно?

— Вкусно.

— Ага, баско? Я ишшо наколю, ты только успевай в рот класть.

Ленька спустился на пол, чтоб удобнее колоть орехи.

Девочка подумала немного и селарядом.

Речь их спокойна и коротка, как волны на Иртыше. Занавеску окна чуть наполняет округлостями пахнущий листьями ветер.

Мотнув головой на черный ящик, Ленька спросил:

— Чо эта?

— Рояль, музыка.

— А кто играет.

— Все.

— Все. Ишь. И ты умеш?

Уважение расширило слегка раскосые ленькины глаза.

— Заливаешь. Поиграй, айда,

Девочка хлопнула крышкой, пальчики ее потерялись в клавишах.

— Ну, как?

— Волынка. У нас басче. У нас, как молодяжничок заиграет на гармошках, аж в ушах пищит. А ты на гармошке не умеш?—И гармошки нету? Чо вы таки за люди.

Ленька звучно высморкался на пол в вытер, унизанные ципками, пальцы о портьеру.

— У те мать-то богата?—спросил он задумчиво.

— Не знаю

Друзья детства В. И. Ленина

Фот. А. Краммер.

Братья Асанины, крестьяне дер. Алакаевки Самарск. губ., хорошо знавшие В. И. Ленина в детстве.

— Ну! А коров много у вас?
— Коров у нас нет.
— Врешь поди. А лошади есть.
— Одна, папа на службу ездит.
— Бедные, значит,—соболезнующе про-

говорил Ленька.—А пошто так живете?
Вы откуда?
— Из города?
— Ишь, из города. Все, которы мимо
едут—из города. Наши мужики на месте

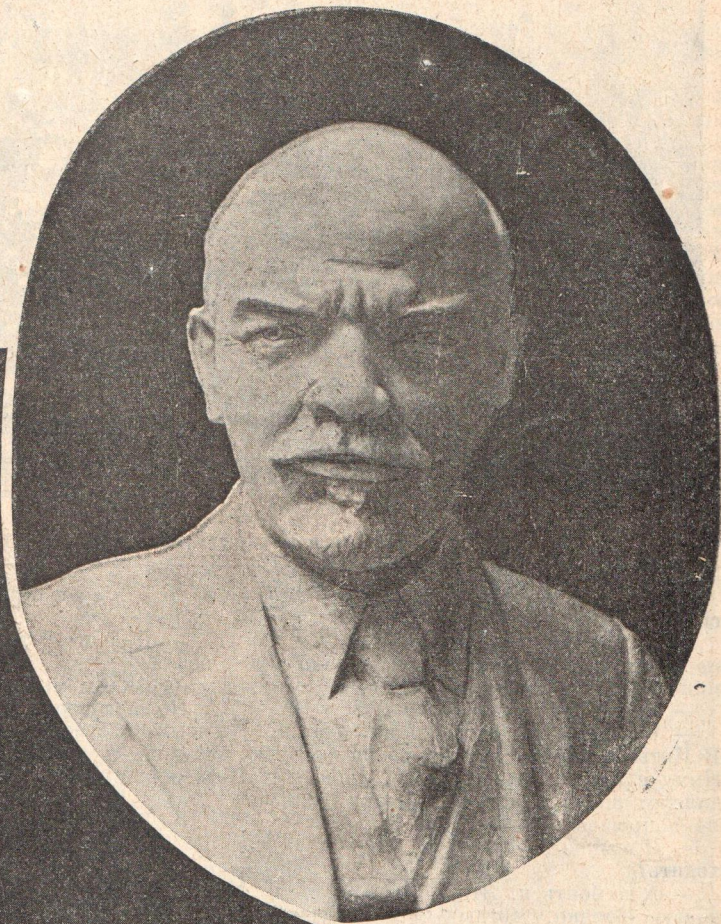
любят сидеть. Ты чо рогульки-то не ешь?
Девочка улыбнулась.
— Я сыта, мне мама запрещает много есть.
— Ничо, ешь, я и твоей мамке наколю.
— Всем наколю, у меня хватит. Ешь, знай.

ТВОРЕЦ ГРЯДУЩЕГО

Скульптор И. А. Менделевич о своей работе.

Фот. Ж. Мартова.

Приступая к изображению «Творца грядущего», на второй день
вспомнил величайшего человека, я чувствовал задачу, поставленную
перед собою, невыполнимой в той степени, в которой требует
современность, история, а также все окружавшие его близ-
кие, отлично помнящие не только общее сходство, но и все мимо-
мельные изменения многолетним общением изученного лица. В бу-
дущем эпоха, а не момент ее, должна быть отражена в лице и
в фигуре великого вождя. Теперь же нужно реалистическое тол-
кование—документ, поскольку этого можно достигнуть в скульп-
турно-портретном изображении. Когда великая потеря станет исто-

рией, мы сможем на основа-
нии этих образцов и докумен-
тов создавать символы.

Удался ли мне этот образ—
я не знаю; к огорчению моему
кинематографические снимки
с Владимира Ильича были так
немногочисленны и случайны,
что основываться на них впол-
не—не представлялось возмож-
ным. Во всяком случае, осно-
вой для моего скульптурного
изображения являлся, глав-
ным образом, кинематограф и
некоторые фотографические
снимки, которые очень помо-
гали мне в моей работе. Изу-
чать лицо и фигуру Ильича
мы, скульптора, будем до кон-
ца дней своих, и счастлив ока-
жется тот художник, которому
удастся создать сложный пор-
трет Ленина последним, выда-
вивши из глины, без штриха
лишнего, особо-характерный,
выявляющий эпоху образ—
символ „Творца грядущего.“

И. А. Менделевич.

Жертвы самодержавия

Архив «Огонька».

12-я годовщина ленского расстрела. Трупы убитых рабочих.

— Ты почему такой грязный?—спросила девочка.

— Я-то. Ничиво я не грязный... Я раз по десять в день купаюсь, кожа аж слупилась, как береста лезет...

— В ванне купаешься.

— В ванне? Не, у нас такова места нет. В Иртыше купаемся, а когда на Собачью Ямку с парнишками ходим. Только туда далеко: шесть верст, а в этаку жарынь не попрешьсяя.

— И вы не боитесь ходить?

— А чо бояться. Это ночью боязно, тогда ведьмы бегают.

Лицо девочки испуганно осело.

— Разве у вас есть ведьмы?

— Сколько хошь.

— А ты видел?

Леньке неясно приятен был ее испуг. Он, не спеша, вытер рот, сплюнул и, глядя в розовый ее подбородок, соврал:

— Видал.

— Когда? Расскажи.

Девочка трясла его за рукав, капризно хныкая. Ленька отстранил ее.

— Не лапайся. Ладно, расскажу. Только ты мне ножик отдашь.

— Какой?

— А этот, што рогульки колем.

— Он не мой, я бы отдала.

— Не твой коли, так я и сам возьму. Не разбрасывайся.

Ленька сунул ножик за пазуху и стал рассказывать:

— Лонись, дедушка Колистрат да я на рыбалку поехали, переметы ставить. Осетер шел, прямо беда, как бревно. Напились мы с дедом чаю вечером, да спать, а ночь—мисяшна—мисяшна быто днем. Я

а дед... а он храпит... а в поле-то... в поле-то...

— Дальше, дальше...—торопила девочка.

— Видим мы, значит...

Но договорить ему не дали. Полуоткрылась дверь, выглянула пышноволосяя голова и тонкий, будто на веревочке, женский голос спросил:

— Ты что здесь делаешь, Нора?

— Разговариваю.

— С кем? Сердце у Леньки скатилось, спина вспотела.

— С ним, с мальчиком.

Дама взглянула на Леньку и закричала, точно укушенная:

— Ты что тут? А? Что? Где капитан, зовите сюда капитана.

А Ленька тряс корзину и бормотал:

— Рогульки... рогульки купите...

Вбежал густобровый черный человек. Грудь его была утыкана блестящими пуговицами. Рыкающий его голос раскатился над Ленькой:

— Тебе что? Ты зачем вполз?..

— Он отравил мою дочь какой-то гадостью,—волновалась дама:—нужно доктор скорей, доктора.

Рыкающий шлепнул Леньку в загорбок. Корзинки выпали, выскочил из-за пазухи захваченный ножик—зазвенел под стол, а сам Ленька покотился под стол.

Леньку потащили из-под стола—в это время пароход дал отходный гудок—Ленька уцепился за скатерть, скатерти стащил: попадали со стола чашки, чайник.

А рыкающий стучал его жилистой рукой и больнее, пожалуй, был его густой, как пароходный гудок, голос:

— Чертенок, не ползи куда не надо, не ползи, не ползи...

— Дяденька, не буду, не буду,—визжал Ленька.

И под хохот матросов, пассажиров и казаков выгнали его по трапу на берег.

Было ему стыдно, обидно и сквозь слезы кричал он на капитанский мостик где утыканный золотыми пуговицами стоял толстый рыкающий драгун:

— Отдай пистери, толстопузая киви мора!

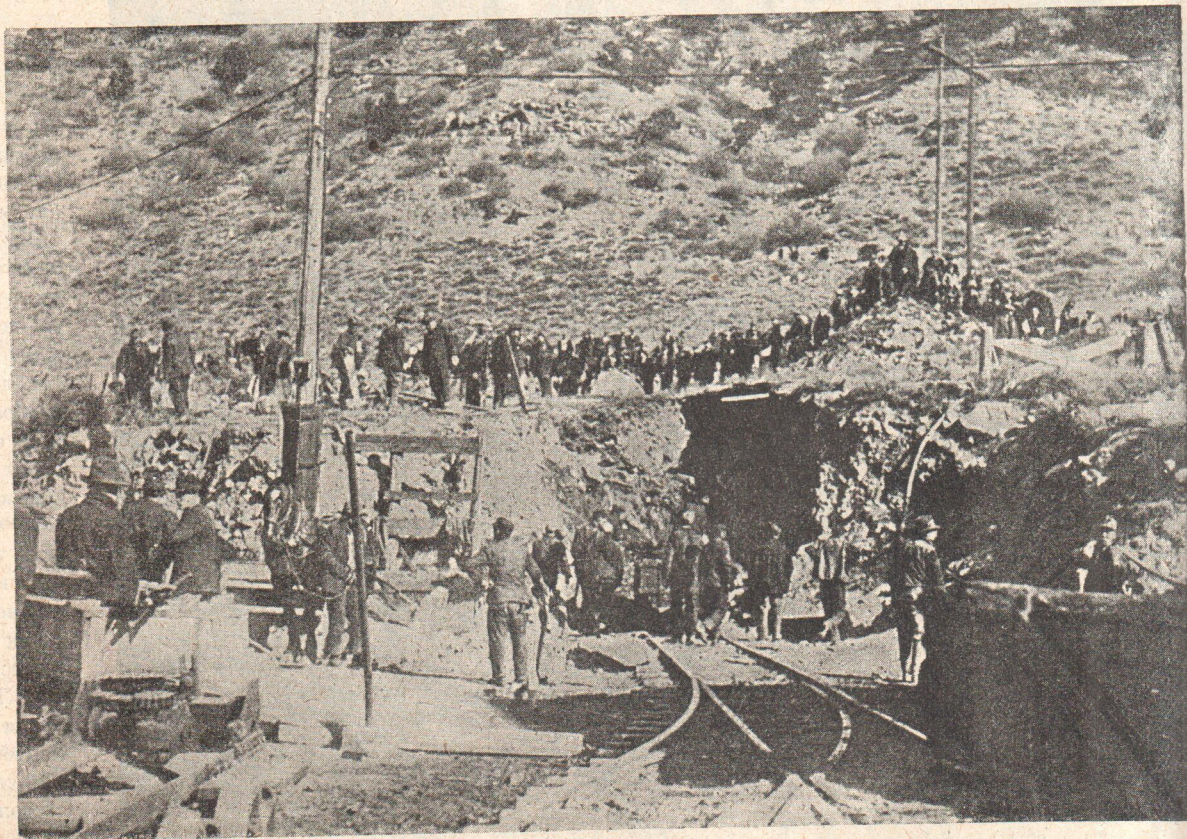
А с мостика рыкающий погрозил шишковатым кулаком и густо выбранился.

И вслед за его руганью, еще гуще заорал пароход.

Всесолюд Иванов.

Будни капитализма. Гибель 175-ти шахтеров

Фот. «Intern.-News».

«Огонек» уже воспроизводил снимки похорон жертв грандиозной катастрофы, разразившейся в каменноугольных копях Кэстль-Гэта (Ю. Штатах С. Амер.). Собственными копей, организовав «приличные» похороны, погибших за их дивиденды, рабочих, не знали, что эти похороны, может быть, придется повторить. До сих пор раскопками обнаружено и предано земле 100 трупов. В списках предприятия не достает еще 75 шахтеров, засыпанных землей. Цифра в 175 трупов является довольно редной в истории катастроф на шахтах и звучит достаточно предостерегающе, если международные угольные хозяева не проявят подобающей осторожности по отношению к жизни, доверенной им рабочими. На нашем

На заре РКП

(Архив «Огонька»).

Мой собеседник, Сергей Иванович Гусев—недавний член Реввоенсовета Республики—ныне член президиума Центральной Контрольной Комиссии.

Предмет нашей беседы—второй Лондонский съезд РСДРП, на котором родилась

стальная партия, ныне руководящая Союзом Советских Республик.

А в будущем, кто знает, может быть не только им.

Я слушаю спокойный, четкий, уверенный голос тов. Гусева, эпически повествующего о важных, ценных деталях второго лондонского съезда, о существенных

подробностях, так называемой, линии поименная могучих титанов мысли—Ленина, Сталина.

Слушаешь и понимаешь всю значимость этого огромного, по своей исторической важности, события.

— Да, нынешняя коммунистическая партия родилась в Лондоне; в обычный серый будничный день, такой нередкий на берегу Темзы. И уж, конечно, джентльмены-благородцы меньше всего представляли себе, такой как все, день, что именно в Лондоне создавалась партия, причинившая впоследствии такие неприятности своим только фактом своего существования.

Тов. Гусев представлял на съезде ростовский комитет; он один из немногих партийных подлинных могикан—участник лондонского съезда.

Рассказ кажется необычайной и красочной биография тов. Гусева, начавшего свою работу в Ростове в 1894 году.

Служил 30 лет служения рабочему классу. Служил 10 лет тюрьмы, ссылки, принудительной, подпольной работы.

Всегда дана и угроза быть повешенным вместе с ребятами в Ростове пристава в марте 1903 года. Тогда тов. Гусеву пришлось скрываться, ибо, если бы он был пойман, петля веревки затянулась бы на его шее.

В октябре 1907 г. тов. Гусев попадает в Берлин, исторический Березов, куда выехали все члены Меньшиков. Там было, конечно, не особенно светло, но революция впереди. Тов. Гусев уже секретарем питерского Военно-революционного Комитета. Далее он, вместе с Урицким, делает большую работу в учредительном собрании, а когда началась ожесточенная гражданская война, он непрерывно, до конца войны, работает на фронте.

На втором лондонском съезде, — вспоминает он, — сталась аккуратно организованная разная группа и организация. Партия получалась пестрая — из разных группировок, именно это обстоятельство в дальнейшем имело существенное значение в дальнейшей борьбе между большевиками и меньшевиками. Представители на съезде представители ЦК партии, центрального органа социал-демократии, во главе с Мартовым, прибывшие в Брюссель, великая линия партии — линия «Искры». Далее представляли себя «Искра рабочих», органи-

зация, издававшая под этим названием печатный орган и колебавшаяся между рабочедельцами и искровцами. Основное ядро съезда—редакция «Искры» с Плехановым и Лениным во главе. Сильная группа делегат в русских организаций: Петербургского, Московского, Киевского, Ростовского, Екатеринославского, Уфимского, Крымского, Сибирского и других комитетов. Основная борьба задолго до съезда шла между «рабочедельцами» и группой газеты «Искры». За единственным исключением все русские делегаты примыкали к «Искре». Но в дальнейшем, когда внутри самой «Искры» на съезде произошло разделение, поделились и привезшие из России делегаты.

Съезд начался в июле 1903 г. в Брюсселе. Там успели поработать только 2 недели. Дела было много и неизвестно сколько времени продолжалось бы совещание, но брюссельские полицейские не зевали. Да и трудно было не заметить типичные фигуры эмигрантов, храбро маршировавших по улицам в косоворотках.

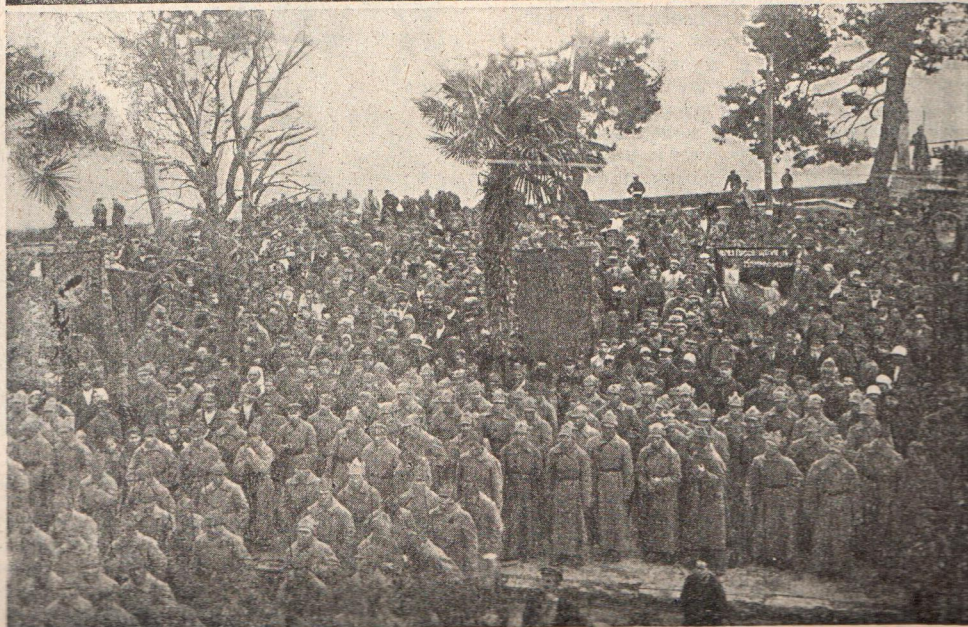
— Были мы все небритые, — говорит тов. Гусев; — на элегантность нашего платья обращали мало внимания. Посе-

лились участники съезда в Старой части города, в гостинице. Денег у нас было мало, но жили мы не плохо. Веселились, как умели, — делу это не мешало, а, наоборот, создавало подъем, повышало работоспособность. На обед мы все собирались в общей столовой, и, надо сознаться, вели себя достаточно шумно, не особенно стесняясь тем, что это кому бы то ни было может не понравиться. До бельгийцев нам было мало дела.

Тов. Гусев являлся «солистом» среди товарищей, так как был обладателем большого красивого голоса. Вот его то и составляли часто садиться за рояль, причем товарищи энергично на него наседали, без конца требуя биссирования номеров. И как ни упирался тов. Гусев, а петь приходилось часто. Под окнами стали собираться любопытствующие. Аудитория увеличивалась с каждым днем. В конце концов началась непрерывная слежка за участниками съезда—тогда решено было перенести совещание в Лондон. Не обошлось без приключений. Часть членов съезда была выслана по проходным свидетельствам из Бельгии, а большинство выбралось благополучно. Съехались в Лон-

4-х летие советизации Абхазии

Фот. В. П. Миккулина и А. К. Козлова.

Недавно столица трудовой Абхазии—Сухум-Кале—торжественно праздновала четырехлетие советизации этой областной природы, не требующей напряженной теоретической работы человека страны.

роне и начали свою работу в столице Великобритании.

Разногласия в редакции «Искры» и примыкавшей к ней «Заграничный лиге революционных социал-демократов» возникли еще в Брюсселе, но наружу вышли полностью лишь в Лондоне. Разногласия сосредоточились на вопросе о составе центральных органов партии: совета, центрального комитета и редакции «Искры». Главный спор возник из-за состава редакции, в которой старые эмигранты, еще до съезда состоявшие в редакции «Искры», требовали себе места. Плеханов, Ленин и почти все представители губернских комитетов из России высказывались за необходимость составления редакции из товарищей, более выдержанных в партийном отношении, абсолютно независимых от кружковых влияний, которые сильно сказались на Ансельроде, Мартове и других основателях «меньшевизма». В начале казалось, что все обойдется, но спор в конце концов обострился до того, что неизбежность раскола выяснилась совершенно определенно.

Любопытно, что Ленин вел упорную борьбу, избегая личных выпадов, сохраняя полную выдержку. Этого нельзя было сказать о Мартове, проявившем особенную страстность. Но даже и его оставил далеко позади Плеханов, обычно много говоривший о такте и тактичности, но сам в пылу борьбы элементарные нормы такта нарушавший.

У тов. Гусева остался в памяти момент, не попавший в протокол заседания лондонского съезда: было это во время спора с бундовцами, настаивавшими на внесении в программу партии пункта «о свободе языка», и когда это провильось, то на пункте «о равноправии языков», Плеханов, председательствовавший на собрании, ядовито спросил Либера, защищавшего этот пункт:

— Вы настаиваете на том, чтобы равноправие языков, т. е. употребление наряду с государственным языком в общегосударственных учреждениях и других национальных языков допускалось даже в государственном коннозаводстве?

— Да,—истерически воскликнул Либера. Тогда Плеханов бросил фразу: — Лошади не разговаривают, а вот ослы, к сожалению, болтают.

В конце концов вокруг Плеханова и Ленина собралось большинство съезда, а за Мартовым пошло меньшинство. Нас—«ленинцев и плехановцев» было 22 человека, а «мартовцев»—20.

— Таким образом, съезд не привел к образованию единой партии,—рассказывает тов. Гусев.—И это вынуждены были признать участники съезда.

Члены большинства (большевики) собрались на другой день после финального заседания, в одном из лондонских парков. Сюда они пришли для того, чтобы обсудить, что делать дальше; пришли после посеще-

ния могилы великого учителя Маркса. Настроение было подавленное. Разместились на лужайке. Ленин, а в особенности Плеханов, заговорили и подняли дух участников съезда своими боевыми речами. Плеханов воинственно дергал свои усы, приговаривая:

— И не с такими справлялись!

Неизвестно, сколько продолжалась бы наша беседа, если бы не досужий фотограф, который, увидя не совсем обычную группу, решил увековечить ее на пластинке. Нам не хотелось повторения брессельской истории. Мы моментально испарались.

Вот, приблизительно, все, что рассказал мне тов. Гусев. Всего только несколько деталей, но основная крепко запомнится.

Это цифры... 22 голоса, составившие большинство, ядро будущей большевистской партии.

У меньшинства было 20 голосов.

Всего только два голоса дали перевес большинству, тем самым определив исторический момент образования коммунистической партии.

Кто эти два человека, сыгравшие такую огромную роль? Во всяком случае двое из этих 22, а вот кто именно?

На это может ответить любой из 22, составивших большинство на лондонском съезде... Это могли быть великий Ленин, Плеханов, и другие участники исторического второго лондонского съезда...

С. Б.

В. Г. Короленко о К. А. Тимирязеве

Пршло четыре года со дня смерти проф. К. А. Тимирязева (28 апреля 1920 г.).

Его заслуги перед наукой и народом хорошо известны всем.

Одним из первых стал он на сторону Советской власти, видя в ней осуществление своей постоянной идеи союза науки и народа. Перед смертью он был избран членом Московского Совета.

Нижне мы печатаем отрывок из рассказа В. Г. Короленко «С двух сторон», где под фамилией Изборского дана характеристика К. А. Тимирязева в период его профессорства в Петровской Академии, ныне переименованной в его память в Тимирязевскую. Раскрытием псевдонима мы обязаны любезности сына покойного профессора А. К. Тимирязева.

Одним из них был профессор Изборский. Однажды я вошел в музей, где Изборский занимался со студентами по физиологии растений. Стены были увешаны таблицами. В ряде рисунков был изображен гетевский «Метаморфоз». Изображение клеточек, разрезы стеблей, формы листьев... Все это было отчетливо красиво и как то чисто. Меня не оскорбляла и не наводила на обычные мысли идея живого растения... Только остатки насекомого в чашечке мухомовки—издали напоминали ряд неприятных ощущений. В общем я все таки относился снисходительно к попыткам растений приобщиться к процессу жизни...

Профессор Изборский был очень худощав, с тонким выразительным лицом и прекрасными, большими серыми глазами. Они постоянно лучились каким то особенным подвижным, перебегающим блеском. И в них рядом с мыслью светилась привлекательная, почти детская наивность.

Когда я вошел в музей, профессора Изборского окружала кучка студентов. Изборский был высок и его глаза то и дело сверкали над головами молодежи. Рядом о чем то спорили. Студент напал. Профессор защищался. Студенты, по крайней мере те, кто вмешивался изредка в спор,—были на стороне Крестовоздвиженского. Я не сразу вслушался, что говорил Крестовоздвиженский, и стал рассматривать таблицы, в ожидании предстоящей лекции.

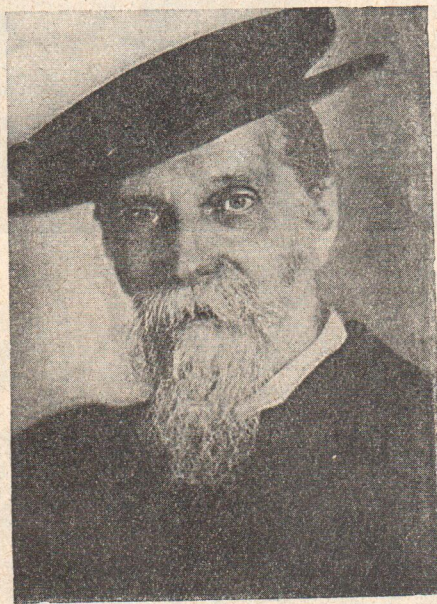
— Да... профессор, мы тоже ценим науку,—говорил Крестовоздвиженский своим грубоватым искренним голосом,—но мы не забываем, что в то время, как интеллигенция красуется на солнце, там, где нибудь в глубине шахт роятся люди... Вот именно, как говорит Некрасов: предоставив почтительно нам погружаться в искусство, в науки...

Изборский сделал порывистое движение, как будто хотел возразить, но вдруг спохватился, взглянул на часы и сказал:

— Господа... пора начинать лекцию...

Действительно, небольшая аудитория музея была полна. Изборский с внешней стороны не был хорошим лектором. Порой он заикался, подыскивал слова. Но даже

в эти минуты его наивные глаза сверкали таким внутренним интересом к предмету, что вниманье аудитории не ослабевало. Когда же Изборский касался предметов, ему особенно интересных, его речь становилась красивой и даже плавной. Он находил обороты и образы, которые двумя-тремя чертами связывали специальный

Клемент Аркадьевич Тимирязев (1860—1920).

предмет с областью широких общих идей...

Главный предмет, которым Изборский занимался специально,—была роль хлорофилла в жизни растения. И теперь на столе перед ним стоял небольшой прибор с несколькими трубками, расположенными по радиусам. В центре этого прибора профессор поместил спрепарированную часть листа. Видны были органы дыхания, устьица

и зерна хлорофилла,—этой зеленой крови растений. Этот прибор и опыты, которые Изборскому удалось произвести с его помощью, доставили ему почетную известность в научном мире. В поле зрения, доступном вооруженному взгляду, раскрывалась таинственная работа солнечной энергии в зеленом зернышке хлорофилла... В этот день Изборский был особенно в ударе. Шаг за шагом, ясно, отчетливо, осязательно он изобразил все фазы мирового процесса, в котором совершается взаимодействие животного и растительного царств... И вдруг без эффекта, естественно и просто, он перешел к предмету недавнего спора со студентами. Зернышко хлорофилла совершает великую работу... Оно в листе. Лист красуется и трепещет на воздухе, залитый потоками света, в то время, когда корни роятся глубоко в темных глубинах земли. Но роль листа не украшение, не простая эстетика растения. В ней начало всей экономики живой природы. Это он ловит солнечную энергию, он распределяет ее от верхушечной почки до концов корневых мочек. И, когда он красуется в лучах солнца, когда он трепещет под дыханием ветра, в это самое время он работает в великой мастерской, где энергия солнечного луча как бы перековывается в первичную энергию жизни... И, озаряя аудиторию своими одушевленными и наивными глазами, он закончил сравнением Крылова в басне «Листы и Корни». Да, люди науки могут без оговорок принять это ироническое сравнение, если они—лица народа, то мы видим, какова действительная роль этой листвы. Общественные формы эволюционируют. Просвещение перестанет когда нибудь быть привилегией, но, каковы бы ни были эти новые формы,—знание, наука, искусство, основные задачи интеллигенции останутся всегда важнейшим из жизненных процессов отдельного человека и всей нации.

Когда он смолк,—некоторое время в аудитории стояла глубокая тишина, и вдруг вся она задрожала от бурных рукоплесканий. Молодежь восторженно приветствовала своего оппонента.

КАЛУЖСКИЙ СКЛАД

Рассказ Кирилла Левина

Всем учреждениям и лицам предлагается оказывать т. Кунину всяческое содействие в его работе.—

1.

Войдя в комнату рядом (ход через вестибюль), он уже не стал ждать, а тут же сиротил Алексея Иваныча.

У Алексея Иваныча было китайское в скулах и глазах и русское, щекастое вниз лицом, а голос бабий, как у евнуха.

Он оказался говорливым, суетливым и сейчас же дал машинистке написать мандат.

Это был первый мандат, полученный Куниным и он прочитал его с глубоким уважением (к себе и мандату):

— Дан сей мандат т. Родиону Васильевичу Кунину в том, что он принят на службу в Отдел Военного обмундирования на должность заведывающего складом.

Строители выставки бастуют...

Фот. для «Огонька».

Две недели продолжалась в предместьях Лондона Уимбли забастовка строительных рабочих, уже в течение полугодия воздвигающих массивные и роскошные павильоны имперской выставки. Несмотря на то, что к выставке сейчас привлекается внимание всей Великобритании и ее колоний, что Уимбли должно явиться своего рода мировым смотром британской мощи,— работа заурядных—хотя и самых важных двигателей выставки физических ее строителей—должного внимания не удостоилась. За две-три недели до назначенного открытия—низкая заработная плата вызвала всеобщую забастовку на территории выставки. Вся буржуазная печать Англии негодовала по поводу такой «измены» пятнадцати тысяч протых рабочих делу «имперской» важности, забывая, что речь идет об элементарных интересах и что от факта постройки чудовищной выставки все возрастающая английская дороговизна отнюдь не прекратилась.

1. Собрание бастующих на фоне незаконченного канадского павильона.
2. Полиция «социалста» Гендерсона вмешивается в забастовку. Рабочий митинг, окруженный полицменами.
3. Штрейббрехеры из буржуазных барышень за украшением павильонов.
4. Забастовщики покидают территорию выставки.

Скуластый хромой швейцар в увидшей гимнастерке, не вставая, спросил Кунина, ого ему надо.

Кунин объяснил, что надо заведывающего отделом снабжения товарища Левина и, получив указание, долго и робко тучал в дверь, пока кто-то, выплыв—иноват—и толкнув Кунина, не стуча, бежал в дверь.

Кунин вошел вслед.

У шведского стола с задвигающейся второй человек с крепкими, серыми глазами делал два дела: писал и говорил по телефону.

Держа трубку левой рукой, он кричал с равнодушной злостью:

— Приказ Троцкого—это-то я знаю, да вы поймите, что у нас забиты все склады. Триста тысяч пошитых вещей лежат по подрядчикам, двести тысяч будут готовы через неделю,—а принять вам их некуда. Что тут поделаешь?

В эту минуту, человек, вбежавший в комнату перед Куниным, сунул какие-то бумаги поверх тех, на которых человек за шведским столом писал и тот подписал их, не читая и не глядя кто бумаги подсовывает.

Тогда Кунин решил заявить о себе и, поклонившись, подал письмо.

Письмо лежало минут пять, потом было быстро схвачено, прочитано и последовал разговор.

— Садитесь. Мало времени. Я Левшин. Вашу фамилию знаю. Вы хотите получить должность? Я дам, но вы ее создайте.

— Простите... создать?

— Ну да, именно создать. Слышали, как я по телефону грызся? У нас по подрядчикам миллион вещей, нужда в них страшная, а принять не можем—нет помещения. Вот найдите склад и будете им заведывать. Мандат получите рядом у Алексея Иваныча. Подробности у Веры Николаевны. Меня зовут Николай Сергеевич. Рад был вас видеть. До свиданья.

Левшин уже писал и Кунин вышел ошеломленный. Он только два месяца, как вернулся из австрийского плена, где был свыше полу-

тора лет и то, что происходило теперь в России поразило и глубоко придало его. Его поразила стремительная темп переходной жизни, масса грузного, материального быта, небывалая смелость со-бытий, громадных, как огромный лед на взрывающейся реке. Сейчас, много говорящие люди, шуточные в одежде и фразе, грубые и жесткие, но действующие с какой-то странной энергией, вытекающей, как из твердой от-крытой точки их дей-ствия, нависали ему громадными, героями Гюго и Льюиса, не оставляя ничего обще-го с теми забитыми кре-стьянами в солдатской шинели, которых он знал из детства и в плену. А между тем это были те же люди и это было то же время самым изу-мыслимым. Значит, случилось что-то в самом деле очень важное, если не то, что изменило.

Обласканый разбойник

Фот. для «Огонька».

Оправданный генерал Людендорф покидает здание мюнхенского суда после своего оправдания.

2.

Высокий человек в офицерской шинели, с веселыми усами на отеком и осевшем лице и еще другой в черной драповой куртке, с черными, жирными глазами по лестнице со сломанными перилами, поднялись на второй этаж и пошли, проходя длинными корридорами, по бокам узким комнатам, где было пусто, мохнато висли остатки обоев и скверно пахло винегретом бывших запахов—пахло мертвачиной.

Высокий потрогал оставшееся в одной комнате объявление, заматое, но четкое—деньги выдаются по субботам от часу до трех—и сказал:

кассы—кому деньги платили?—Драповый ствтил неохотно:

— Венерическим. Госпиталь был. Потом команда выздоравливающих.

Высокий огляделся с любопытством и осторожностью, пальцем сделал винт, точно крутил усы и сказал деловито:

— Ну, вот. Думаю, что помещение нам подойдет. И внушительно:—ВСНХ возьмет его.

А драповый:

— Вы только помните условие—мы никаких ремонтов на себя не берем. Средств копейка и та бумажная.

Высокий засмеялся визгливо, глазами требуя у драпового поддержки в смехе, махнул рукой и пошел вниз.

Политический трюк Пуанкаре

Фот. А. Гарлинг.

Столь сейчас «милая» трудовая Россия Пуанкаре не перемонится со своим противниками даже, когда они во всем идут ему навстречу и заседают в одном с ним правительстве. В последние дни он воспользовался случайным вотумом недоверия со стороны французской палаты, на которую обычно обращал мало внимания; теперь же вслед за небывалой покорностью всеобщей ного премьера последовало еще более неслыханное согласие президента республики Мишлерана на отставку Пуанкаре. При таком стечении обстоятельств навьюностью было бы полагать, что верхи правительства и друзья Пуанкаре не сговорились заранее для проведения всей парламентской комедии. И, действительно, ровно через шесть часов после отставки Пуанкаре последовало... его же назначение премьером нового правительства. Только в списках нового правительства уже нет негодных Пуанкаре министров, замененных ч. свами ранее оппозиционных правительству партия. Этим маневром лица европейской реакции и несравненный интриган пытается, повидимому, продлить дни своего кабинета и послушной этому кабинету палаты, предстоящие перевыборы которой не мало тревожат, теряющегося на старости лет, Пуанкаре.

На фотографии новый французский кабинет во главе со своим премьером.

Советско-румынские переговоры

Перед заседанием. Сяты члены и эксперты союзной и румынской делегации в Вене. Второй справа—Н. Н. Крестинский, рядом с ним—глава румынской делегации Раскану.

— Касса была... Хм... — и с удовольствием отметил на стене место, где были следы

А внизу, у незакрывающейся, на одной петле повисшей двери, стоял Куниин бумажкой, где был нанизан список адресов, полученных в жилотделе, и смотрел в жестоком колебании неопытными глазами на черные оскалы окон, на дикую груды мусора, на ломаные листы крыль железными кудрями свисавшими на стенах.

Макдональд в придворной одежде

Фот. для «Огонька».

Председательствовавшие в «рабочем» правительстве Англии не мешают, как видно из этого снимка, британскому премьеру являться доклад королю и на торжественное заседание в предписываемой этикетом придворной крлатке.

До этого он из'ездил Лефортово, мовники; Дорогомислово, побывал Пресне и в Садовниках и ничего не наш. Всюду он входил с девственной важностью пред'являя мандат и самые разнообразные люди—один раз тепличная блондинка торопливо накинувшая бумажный платок на горностаевую кофту, видимо, пытаясь разбираться в мандате—показывали помещения: гигантские подвалы одного ведомства, где стоял гулкий, пьяный воздух, фанерные бараки под Девичьей башней, где была мастерская противогазов, мительный особняк, ошеломивший

Похороны Стиннеса

Фот. Дж. Грауденн.

Так выносят тело скончавшегося шефа германской промышленности и фактического «хозяина Германии» выносят: его сыновья (1 и 2), шурин (6), врач (3) и... любимые камердинер и шоффер (4 и 5).

...золочеными столиками, расписанными потолками, а стены то заброшенные, дырявые, да еще уже ставшие свалкой...

...он привстал по последнему адресу, унылый, уже не надеясь что-нибудь найти.

Бунд Баварской Республики
Фот. Г. Р. Р. - Н. - С.

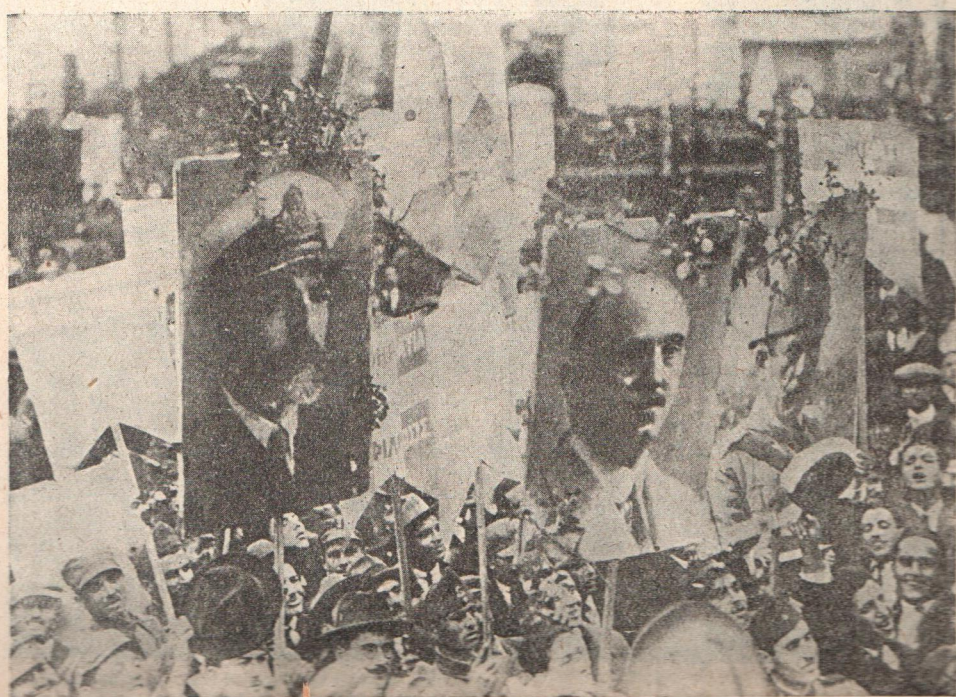
...в Германию... буржуазных министров... от короля Греции.

козырнул и спросил управдома. Драновый отозвался недоверчиво—видно, был пуганая ворона—и Кунин ему

сказал, что ищет склад, адрес получил в жилотделе и все такое. Высокий резво выступил, не давая

Провозглашение греческой республики

Ф. Г. Р. Р. - Н. - С.

Манифестация в честь революционного правительства в Афинах. Ряды манифестантов проходит с портретами наиболее популярных буржуазных министров казавшихся от короля Греции.

места и слова драповому, сказал внушительно, что склад взял он—ВСНХ— (удар в грудь), и что стало быть склад для других, все равно, что не существует, или по русски—фють—он свистнул.

Кунин оробел, отчаялся, но свист неожиданно подбодрил его и он спросил, есть ли... (чуть по старой привычке не сказал—у вашего высокоблагородия) есть ли ордер на помещение.

Ордера не оказалось, но это все равно—нахожу его для ВСНХ подходящим и все-с.

Высокий был откормлен, бархатист голосом и осанкой—сразу видно—бывший полковник—следы от погон, точно на стене от картины, провисевшей десять лет—Кунин же худ, обмызган, молод, неубедителен, и драповый, сравнив обоих, склонился к полковнику.

Собрал вялые губы, мазнул Кунина жирными глазами и вышел—значит—и пошел за полковником.

Кунин остался один, думал, решал, колебался, приятно чувствуя, как нарастает в нем молодое озорство—такое, точно собирались подстроить пакость учителю.

Бегло осмотрел здание, поднялся на второй, на третий этаж, и вдруг быстро, быстро понесся за ворота, повис на трамвае, стремясь к центру—где мандаты, где Левшин и китайско-русский Алексей Иваныч.

Сочинял, волновался, черкал, диктовал машинистке, бегал на подпись, на регистрацию (входящие, исходящие), на печать, неся, воодушевленный в жилотдел, горя молодым румянцем (22 года).

А там точка, тормаз, тупик.

Глядя на Кунина, как на промокашку, по пунктам гасил его замзав жилотделом.

Во первых—без пяти четыре; во вторых—нужно обсудить; в третьих—надо доказать. Вот.

Разлив реки Варты

Фот. P-P-N-S.

В этом году произошло большое наводнение по всему бассейну притока Вислы, реки Варты. Во многих местах река размывала железнодорожные пути, уподобив всю цветущую долину Варты удлиненному озеру.

Снятие крестов

От корреспондента «Огонька»

Несмотря на седьмой год пролетарской диктатуры, в Тирасполе на площади Октябрьской Революции осталась нетронутой каменная часовня, сооруженная в память 300-летия дома Романовых. А на куполе часовни торчал внушительный крест—символ тесного союза между церковью и самодержавием.

Накануне дня Парижской Коммуны группа рабочих-производственников явилась в местный Партийный Комитет с заявлением:

— Пролетарской Революции пошел седьмой год, а в городе еще осталась память о кровавом Чиколоае. Пора уничтожить эту жалкую память Романовых—и снять с часовни крест. Мы решили 18-го марта,—наподобие парижским коммунарам свергнувшим Вандомскую колонну,—свергнуть крест с николаевской часовни.

Сказано—сделано.

В день Парижской Коммуны полдесятка рабских, вооружившись «холодным оружием»: топором, молотом и канатом—повели решительно наступление на бога.

В стороне кучка богомольных кумушек сблещ в душе разделяла смертельную участь разжалованного бога.

Одна секунда растерянности и Кунина неожиданно для себя:

— Но, товарищ, вы прочтите, вы пойте, приказ Троцкого (это Левшин по телефону)... Миллион вещей по подражникам. Армия раздета... Вы должны это учесть... Если бы я вас не застал, я поехал бы к вам на дом... Машина жд (это по вдохновению)... Если хотите в штабе округа... (понес, понес...).

И закончил:

— Не уйду без ордера.

И подействовало.

Замзав со скукой взял отношение, и писал углом—красными чернилами, свзал к товарищу Григорьеву—Григорьев написал тоже углом, накрест—синим карандашом, сказал—т. Сапунову, Сапунов уже не писал,—куда то по бумагу, потом машинистки, входящие исходящие и упоенный, обалделый, жело дыша, Кунин вышел с самым стоящим ордером на склад.

На улице пометался: в центр или склад?

Потом сообразил, что центр почти дороге, забежал, получил сверхурочную машинистку и она сняла копию и ма ее, опытная, заверила: с подлинно верно, за делопроизводителя и—подлинно разборчива.

Чудесные уголки в Советском Союзе

Десятки наших соотечественников ездить и еще продолжают ездить за границу на лечение и в поисках за романтической природой. Одни германские и австрийские курорты принимали ежегодно свыше 100 тысяч русских, и наши больные

возможность об'ехать Кавказ для ознакомления с нашими многочисленными курортами.

И, действительно, когда у нас на севере и во всей центральной Европе все сковано льдом и засыпано снегом—в русской ривьере на Кавказе

является Черноморское побережье. Дальше идет Русская Ривьера: курорты Туапсе, Сочи, Магеста и менее известное и труднее доступное побережье Аджаристана и Абхазии. Автономная республика Аджаристан с главным городом Батумом

Китайский пейзаж в ботаническом саду около Батума.

В Махинджаурах (исключительно японская растительность).

Экзотический уголок в Абхазии.

оставляли ежегодно около четверти миллиарда золотых рублей. Однако, широкая популярность западноевропейских источников об'ясняется отнюдь не их природными богатствами, а почти исключит ельно легкостью и удобством пользования ими. Наши курорты оказались в руках частных предпринимателей, хитрости которых эксплуатировавшие и хитроумные лечебные богатства царское правительство мало заботилось о них.

В настоящее же время, когда курорты и места лечения об'явлены «всемирной здравницей» и когда ими пользуются в первую очередь трудящиеся массы, для них наступила новая эра.

Интерес к русским курортам и к нашим природным богатствам возрос и за границей. Североамериканское-Американское пароходное Общество в сотрудничестве с Наркомздравом в лице Бюро путешествий регулярно организуют регулярные экскурсии иностранцев на черноморское побережье, Западное и Минеральные Воды.—Недавно группа американских врачей и ученых обратилась в Наркомздрав, к тов Семашко с просьбой: дать им

цветут розы, акации, мимоза,—все в зелени и цветах. Число всевозможных минеральных источников, морских купаний, климатических станций и лечебных местностей в России громадно.

Эссенции до некоторой степени могут заменить Эмс, Баталинская—Франц Иосифа и Карлсбадскую, Смирновская (Железноводск)—Вильдунген, Боржом—источник Виши, Кисловодск—Наугейм: воды Магесты (около Сочи) содержат количество сероводорода ровно в 100 раз больше чем в Аахене..

Жемчужным звеном в цепи нашей республики

и близлежащими пунктами: — Махинджаури, Зеленым Мысом, Чаввой, Кобулети имеют климат почти тропический, напоминая южную Сицилию и Испанию. По красочности, живописности и по растительности этот уголок напоминает Японию.

Знаменитый профессор Вихров, например, говорил «Вместо Ниццы я бы послал своих больных в Сухум».

С поднятием экономического состояния страны процветает и курортное дело в интересах широких масс населения и недалеко то время, когда наши многочисленные курорты и климатические станции, такие разнообразные по их лечебным природным богатствам, займут видное место среди курортов Европы—оборудованные в соответствии с требованиями науки, будут доступны не только трудовым массам нашей рабоче-крестьянской страны, но и рабочим Европы.

Э. Л.

По улицам Кунина шел вприпрыжку, мечтал на попутный грузовой трамвай, начал, добежал, нашел драпового, потянул его за руку к повисшей на петле двери, кнопками укрепил на ней копию, начал подлинник и внушительно:

— Вот, товарищ, ордер, склад за мной. Копию больше не показывайте. Занят.

Драповый не соглашался, мял глаза, начал Кунина прогормить жиром, говорил: а ВСНХ как?.. ВСНХ ремонт

обещался сделать. ВСНХ обещался ветку с вокзала провести.

А Кунина железно:

— Никаких ВСНХ, товарищ. Ордер.

3.

Улица была Калужская, по улице и склад прозвали—Калужский склад.

Левшин выслушал доклад, что-то делая, расхолил своим равнодушием Кунина, искавшего похвалы и признания и сказал, не глядя:

— Теперь набирайте штат. Начнем вам товары слать.

А Кунина отчаянно:

— Николай Сергеевич. Да там ни одного целого стекла нет, двери выломаны, грязь, мусор.

Левшин на ходу:

— Берите аванс, делайте ремонт. Главное—скорее.

Кунина сидел мальчиком, почти плакал: какой штат, какой ремонт? Учился,

Весеннее наводнение

От острогорского корреспондента «Огонька».

Фот. А. Логина.

Город Острог. Затопленный городской сад во время весеннего разлива реки Великой в 1924 г.

давал уроки, воевал.—Это было, а ремонт—никогда.

Выручил Алексей природная живость—подучусь, на деле узнаю.

Алексей Иваныч сказал, что надо набирать артельщиков—это артель, рабочих—это на бирже, а счетовода и контрощика он сам рекомендует.

Петр, старый дворянин с Калужской, вызвался за плотника и он же укавал в Монетчиках стеклышка.

На Краснохолмской набережной Кунин и Петр купили досок и тридцать три сломанных окна первого этажа Петр начал забивать досками на-глухо, а стеклышки, не торопясь, вставлял стекла, попутно обмазывал свежей замазкой и целые стекла, ставя их в счет, как вставленные и сквозь гнилые, источенные гвоздочками зубы напевал «Долю».

Еще не достучал Петр, как явились гурьбой: три женщины и девять мужчин. Выступил один, малорослый, юркий и

Пока шла уборка, внизу началось смятение и рабочий Сахаров, из гимназистов, прибежал с искрящимися глазами

Навигация на Волге

Пароходная флотилия в затоне.

и закричал, что привезли три воза белья.

Кунин бежал вниз, прыгая через три ступеньки, холодел, не верил—ведь Николай Сергеевич знал, что склад не готов, что главные двери не готовы, что замков к ним нет, что...

Возы стояли перед незакрывающейся дверью, невозмутимые, убедительные, взбухшие белыми пачками белья; рабо-

Навигация на Волге

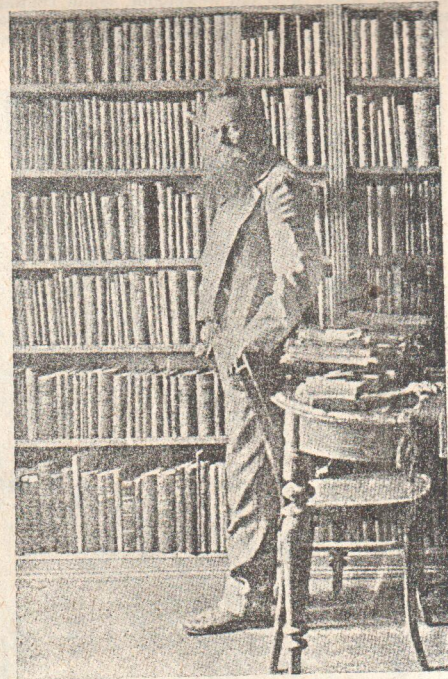
Пароход «Феликс Дзержинский»

важный—казалось, почему—то, что у него должен быть хороший писарский почерк,—представился—Дьяконов, старший артельщик, представил еще троих, младших артельщиков, а на остальных небрежно кивнул—рабочие.

Кунин немного сконфузился, потом сжался, уже зная, что нельзя раскрываться и предложил убраться склад от мусора.

Скоро мусор был сметен и выброшен на пустырь, женщины мыли полы, звеня новыми цинковыми ведрами, а Дьяконов хозяйственно покрикивал, куря папироску.

Возвращение из эмиграции проф. М. С. Грушевского

Михайло Грушевский.

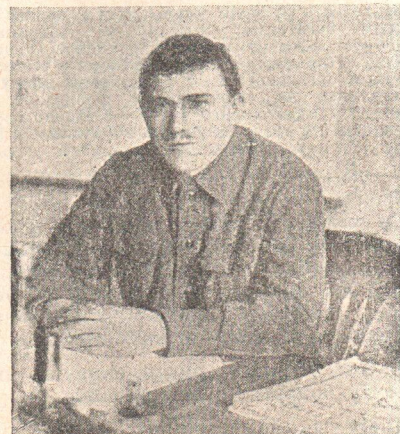
В Киев прибыл «сменивший вехи» бывший председатель украинской центральной Рады академик Грушевский.

Постоянную работу Грушевский ведет сейчас в украинской Академии Наук в Киеве. Академией в целом, так и им самим начаты крупные исторические работы. В частности, Грушевский снова продолжает прерванную им вследствие войны «Великую историю Украины», доведенную пока до 1850 года. Грушевский работает также над капитальным трудом «Историей украинской литературы», доведенным им до XV века. По поручению Академии Грушевский приступает к научному изучению и издаванию важнейших архивных материалов, заключающих в себе богатейший материал экономической и социальной истории Украины.

В связи с 50-летней годовщиной издания «исторических песен малорусского народа» Антоновича и Драгоманова, Академия Наук, по докладу Грушевского, утвердила план научного исследования украинских исторических песен, баллад—остатки великих дум украинского народа, которые живут только в памяти кобзарей. Все это нужно—говорит Грушевский—скорее уловить, увековечить. Для этой цели будут организованы экскурсии вглубь Украины.

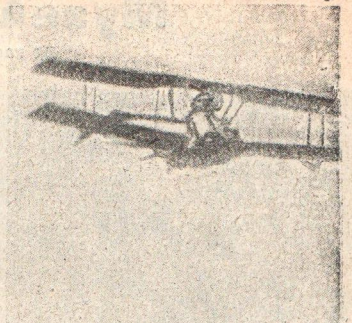
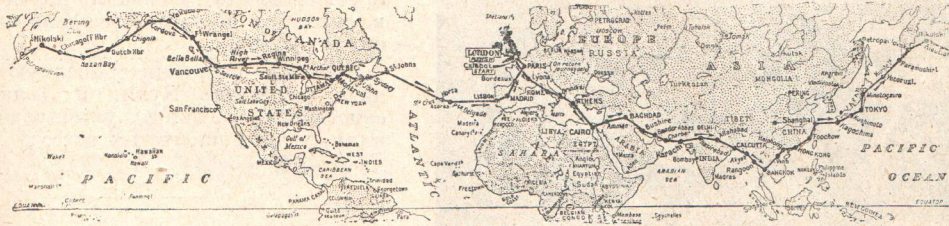
Огромное историко-политическое и чрезвычайно актуальное значение приобретает организация научного исследования Западной Украины, а именно: Галичины, Волыни, Холмицши, Закарпатской Руси. Научно культурные работники Галичины которые раньше вели эту работу, теперь находятся в тяжелых условиях и лишены возможности ее продолжать. Эта работа падает теперь на Всеукраинскую Академию Наук, которая включила ее в план своей деятельности. Грушевский полнял, между прочим, вопрос о переводе в киевскую Академию Наук организованного в Вене украинского социологического института, подготовившего ряд ценных трудов.

Работники водного транспорта

Председатель ЦК водников, член коллегии НКПС А. Г. Ищенко.

Кругосветный перелет

25 марта из Лондона на аэроплане системы Виккерса вылетел в кругосветный перелет летчик Мак-Ларен со своими помощниками. Это—первая попытка облететь земной шар; естественно-внимание, уделяемое ей не только английской прессой. Перелет рассчитан на два месяца и тщательно подготовлен с тем, чтобы на всех промежуточных, да и самых отдаленных пунктах летчики и машина встретили должный уход и подготовленный вылет, так как на ночные полеты Мак-Ларен пока не решается.

Характерным, однако, является то, что рейс Мак-Ларен рассчитан только на «империю», то-есть охватит только английские колонии или страны, как Египет, находящиеся под британским протекторатом. И по мысли организующих этот перелет империалистов, счастливое окончание путешествия должно знаменовать триумф британской идеи и британской техники во всем земном шаре.

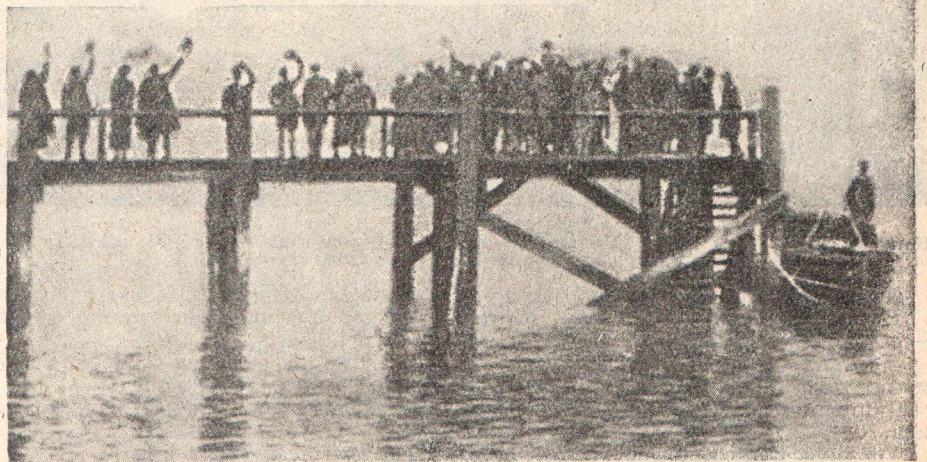
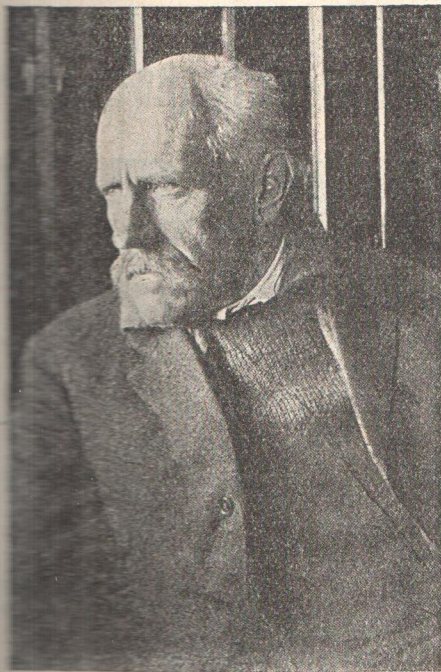
Этот мотив перелета уже вызвал подражание и конкуренцию. В тот же день 25 апреля когда Мак-Ларен вылетел из Соутгэмптона, оставил пределы островного королевства,—из другого пункта земной мировой столицы индустриальной цивилизации Лос-Анжелоса (Калифорния) начался другой кругосветный полет. Американские летчики не собираются прокламировать каких-либо граничащих с ними, а не для их министерства иностранных дел рейсы и преследует только спортивные цели: опоясать земной шар раньше англичан. Вообще же, шансы обеих экспедиций равны.

Наверху—карта земного шара с указанием предполагаемого воздушного пути и остановок Мак-Ларена. Направо—старт перелета. Отлет Мак-Ларена с Балшотского аэродрома близ Соутгэмптона.

Фот. для «Огонька».

Наш старый друг

Фот. соб. кор. «Огонька»

Русая, синеглазая девушка протянула Кунину красную накладную, невнятно исчерченную химическим карандашом и сказала—из 7-ой раздаточной.—А Кунин только через неделю узнал, что раздаточные, это мастерские, откуда раздают на руки шить белье и обмундирование.

Он смотрел в отчаянии, зная, что помощи не-откуда ждать, недоумевая, куда сложить товар.

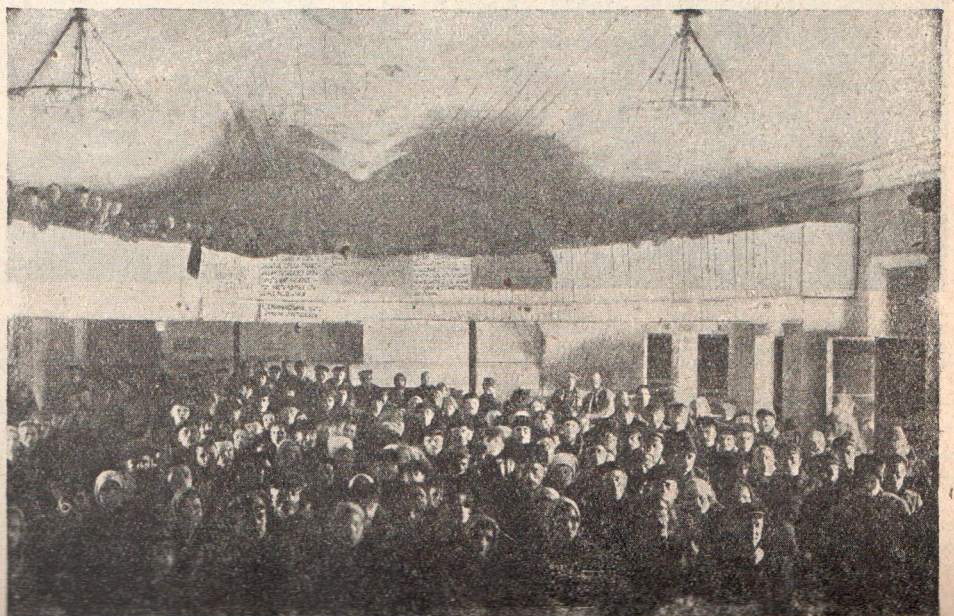
И вдруг прояснел.

Дьяконову и двум другим артельщикам велел принять товар счетом, а сам понесся к Петру-дворнику, Петру-плотнику, снял его с дымящихся щей и потребовал, чтобы главная дверь обязательно была готова к вечеру. А Соколову-артельщику поручил купить два больших замка, задвижки и болты.

Товар сложили в первом этаже.

Чествование А. С. Серафимовича

Фот. для «Огонька».

Митинг Сомовлянского района, посвященный чествованию А. С. Серафимовича.

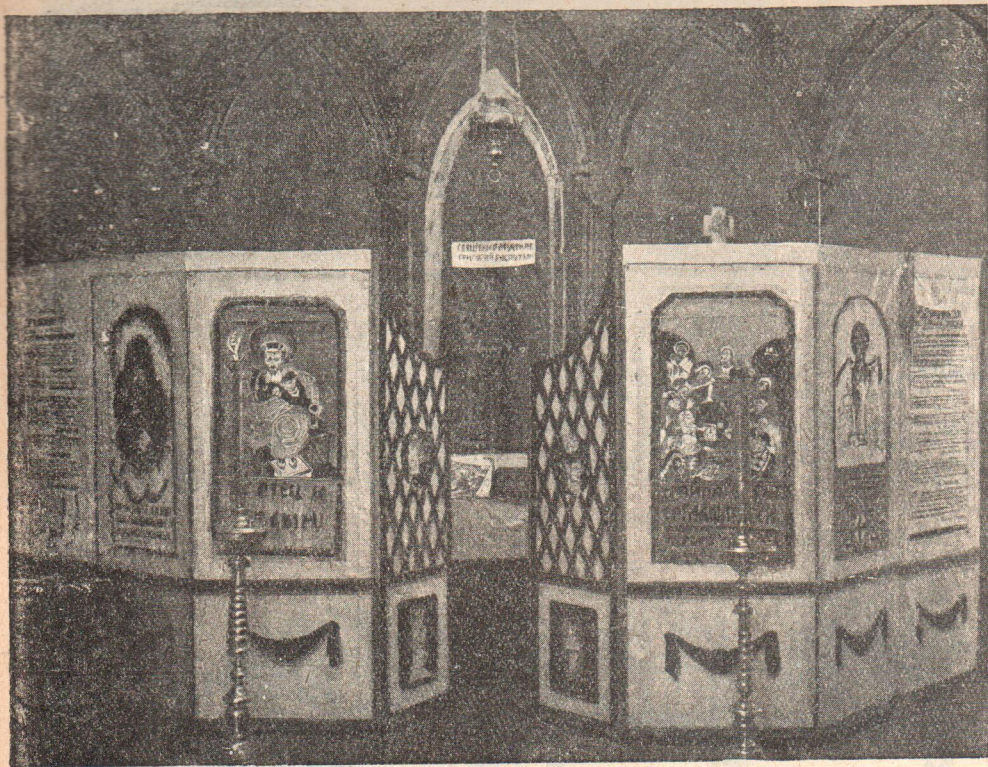
Фридрих Нансен, которому наш полпред в Москве В. Осипский недавно вручил благодарственную грамоту ЦИК СССР, где отмечены громадные заслуги знаменитого путешественника в деле борьбы с поволжским голодом. Пропаганда, которую Нансен вел в течение в передовых кругах Западной Европы, дабы вызвать отклик на волжскую трагедию, дала даже большие результаты, чем ожидалось. Своей деятельностью Нансен способствовал уничтожению той пелены лжи, которой русские эмигранты окутали советские страны и которая долго мешала вступлению СССР в круг европейских государств.

Фридрих Нансен, несмотря на свой возраст, имея своей прежней энергии и даже новых планов. Сейчас неустанно исследователи лишь увлекает идея об аэропланном полете в северному полюсу. Нансен намерен участвовать в экспедиции нашего старейшего летчика В. Роговского, собирающегося в конце лета лететь к полюсу, дабы водрузить на нем красное знамя СССР.

... еще никто не работавшие, смотрели с любопытством, а Дьяконов, еще не зная, куда класть товар, на всякий случай просматривал пакки, чем то распробовал, что-то доказывал.

Музей безбожников

От нашего киевского корреспондента.

Киевский дом Красной Армии. Уголок антирелигиозной пропаганды. «царские врата» в антирелигиозном толковании расписаны художниками Д. К. А.

Издrevле богомольный Киев был всегда опорой «православия и самодержавия». Неудивительно поэтому, что у нас особенно ожесточенно идет борьба «верующих» с «безбожниками».

С одной стороны «обновляют» купола и выступают с проповедями б. петлюровские министры, доказывающие, что сам Маркс не отрицал религию.

С другой стороны—рабочие и солдаты всячески стараются рассеять религиозный дурман.

Устраиваются собеседования, музеи, выпускаются книги, журналы.

Здесь мы воспроизводим снимок «антирелигиозного уголка» в киевском «Доме Красной Армии».

Оригинальные «царские врата». В центре—священномученик Григорий Распутин. Сбоку—«тайна вечера соглашателей».

Музей пользуется огромным успехом и число экспонатов растет с каждым днем.

„Сонная болезнь“

Фот. для «Огонька».

В последнее время в Черкассах, на Киевщине, увеличилось число заболевших эпидемическим энцефалитом (летаргией). Характерным признаком энцефалита является продолжительная (до 3 лет), но не непрерывная спячка. Изображенный на нашем снимке сидящий больной после 3-летней спячки теперь выздоравливает.

Он сиротливо белел в громадном помещении, как куча только что родившихся, беленьких щенят.

Кунин, не вмешиваясь, (боялся осрамиться) глядел, как старый артельный рабочий Митрофанов, единственный, как будто, знавший дело—остальные были: школьный учитель, гимназисты, студенты, одна поповна, курсистка и так далее — и Гусев, рыжий, понурый артельщик, бойко просчитывали пачки, перебирая их пальцами как каперс деньги обучая на

деле неопытных рабочих, складывая пачки, не на каменный пол, а на подстеленные рогожи.

В одной пачке не хватало до десятка и Митрофанов грубо швырнул ее под ноги синеглазой сдатчице и Кунин вспыхнул от стыда за нее (вот сейчас она сконфузится, заплачет). Но сдатчица, ловко просчитав пачку, подтвердила, что, точно, одной не хватает и равнодушно отбросила пачку.

Петр, ворча из-за недохлебанных щей,

клат свежие, молодые заплатки на рыжие, чешуйчатые от отставшей краски двери, прилаживая новые петли; Гусев, Сахаров и бойкая баба Гаврушина досками на крест наглухо забивали другие двери в склад, а Кунин осматривал, все ли окна забиты.

На товар написали временную квитанцию, подписали Кунин и Дьяконов, и синеглазая сдатчица, улыбнувшись Кунину, уехала на пустых возах.

К шестому часу двери были починены, окна забиты и дверь, ведущая из коридора в склад, и наружная заперты новыми замками.

Вечерело.

Рабочие, артельщики и Кунин собрались у запертых дверей склада. Чего-то ждали.

Не расходились. Чувствовали, что не все еще сделано, но не знали, что еще надо сделать. И только когда Митрофанов, степенно приподнял шапку—по домам можно, Родион Васильевич? Кунин встрепенулся, пробежал взглядом пустырь, окна, двери и нерешительно сказал:

— А ведь товары так оставить нельзя. Сторожить надо...

Неловко молчали, мялись и Гусев—артельщик спокойно помог:—еторожить надо. Народ у нас молодой. Назначьте двоих, Родион Васильевич.

Самоучка радио-техник

На заводе имени Маленькова работает слесарем юный комсомолец Анатолий Левицкий. Его знает весь завод, как изобретателя. Левицкий собственными силами, не имея никакого специального образования, соорудил в своей квартире приемник для радио-телеграмм и радио-телефонограмм. Материалом для Левицкого служили бресты с кладбища, где он живет, старые электрические штенселя, винтики, куски проволоки. Работой Левицкого заинтересовались рабочие и комсомольские клубы. В ближайшее время Левицкий предполагает поставить радио-присемник в рабочем клубе при своем заводе и в центральном клубе комсомольцев.

На нашем снимке Анатолий Левицкий сидит за своим рабочим столом и слушает радио-телефонограммы.

— А вот и сторожка, — степенно вставил Матрофанов, указывая на кирпичный сарай, шагах в тридцати от склада.

Выступила бойкая баба Гаврушина и вывалялась за сторожа, а с ней Жигунов, остромордый, полился восемнадцатилетний парень в технической буражке.

Кунин обещал им сверхурочные и просил сторожить получше.

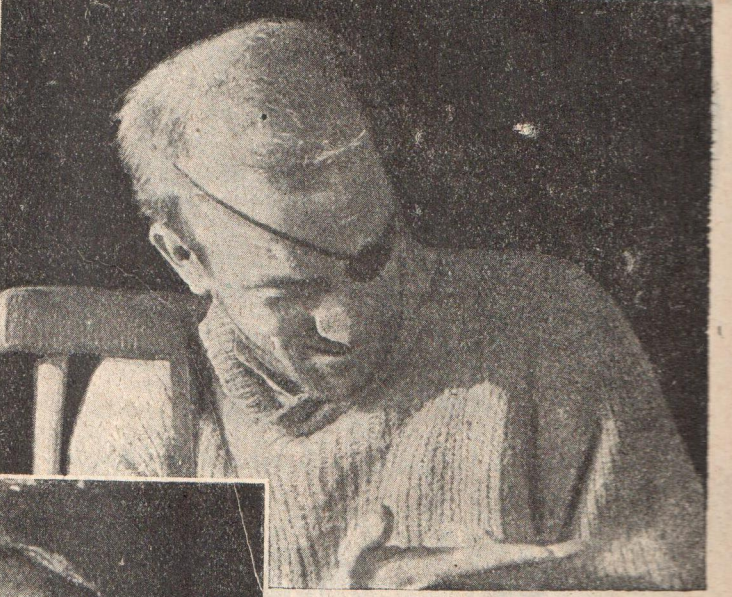
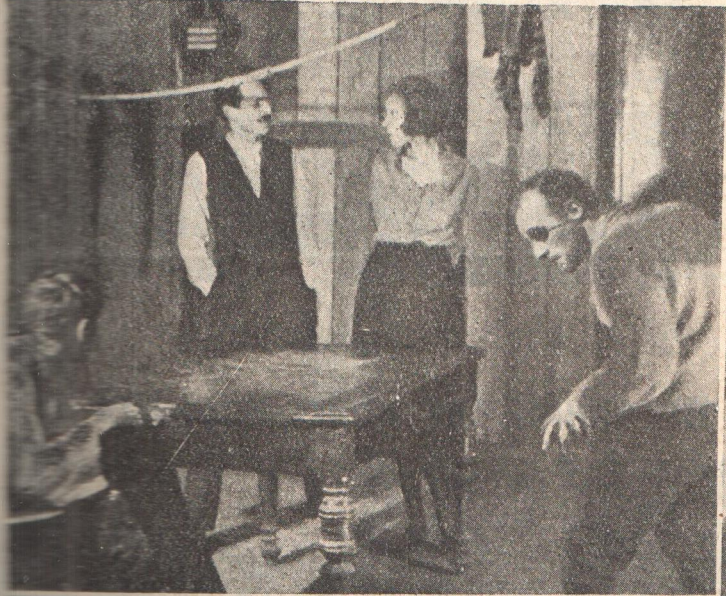
Он шел, не слушая птичьей болтовни Дьяконова, сладко чувствуя жуть нового дела, тихо смеясь своей неопытности, ощупывая в кармане ключи от склада и смутно беспокоясь за ту едва зародившуюся жизнь, что осталась там, на Ка-

лужской, в виде громадного, дикого здания бывшей венерической больницы, сиротливой кучки белья, затерянной в огромном складе и Гаврушиной и Жигунова, охраняющих все это, созданное им — Родионом Куниным.

Кирилл Левин.

„Приключения мистера Веста в стране большевиков“

Фот. Госкино.

Отдельные сцены.

Отдельные моменты картины.

После окончания работы над кинокартиной под этим названием, по постановке Н. Асева. Фильм особенно интересен во многих местах, которые отмечены в фильме ее режиссер Кирилл Левин.

В «Весте» мы уже писали о кинематографической мастерской Л. В. Куниной и о ее методах. Впервые в фильме «Блестящие приключения мистера Веста» эти приемы продемонстрированы. Авторы — ученики мастерицы Куниной — без труда, путем непрерывного переопытывания, и ритмически выстроили действия, дали прекрасную, действительно иллюстрацию к сценарию.

«Блестящие приключения» подают свое право требовательного зрителя. В «Весте» интересный, захватывающий сюжет со многими приключениями и со звуком сделанными звуками. Прекрасная фотография. Хорошие кадры. Продуманная и интересная история. А главное — весело и интересно в целом.

Мистер Вест, американец, решает отправиться «заглянуть» в Россию. Его

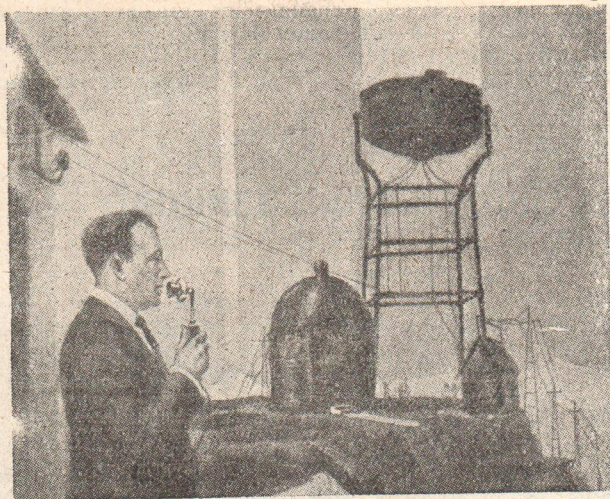
сопровождает секретарь. В Москве у Веста «беспризорный» мальчик крадет портфель. Этот портфель достался авантюристу, чуть ли не шпиону Жбану. Жбан шантажирует Веста и хочет показать ему Россию шиворот на выворот. Он начинает делать это, но «раскаившийся» беспризорный спасает Веста от беды и американцу показывают настоящую Россию.

Но сценарий Н. Асева стал только путеводной звездой. Под опытной рукой постановщиков, действие стало насыщенным и интересным. Появились новые лица. Веста сопровождает ковбой, немного нелепый в наших условиях. Вест становится жертвой сложной и крупной мистификации авантюриста Жбана, который всячески хочет дискредитировать советскую власть вообще и коммунистов в частности, преследуя свои «коммерческие» цели.

Постановка «Мистера Веста» показывает, какая сложная вещь — постановка хорошей картины.

Между двумя планетами

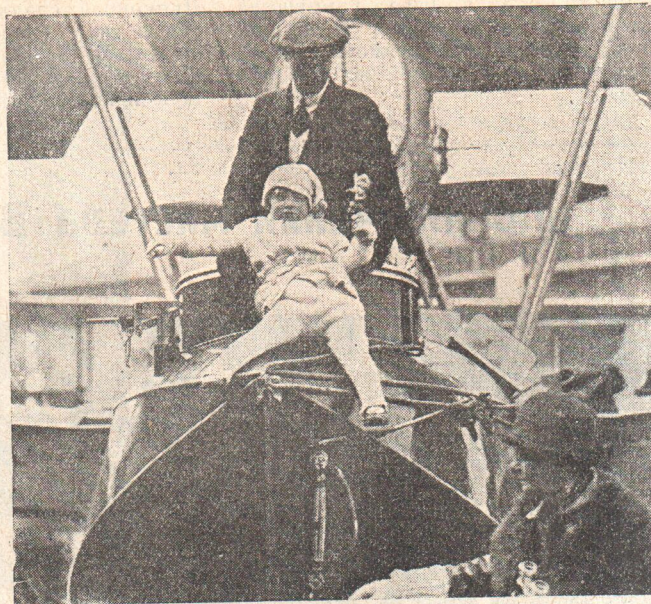
Фот. для «Огонька»

В этом году будет наблюдаться редкое приближение планеты Марс к Земле. Астрономы рассчитывают воспользоваться этим моментом и попытаться, наконец, установить, населен ли Марс живыми существами. Для этого конструируется специальная грандиозная станция, откуда будут подаваться световые сигналы. Мы воспроизводим модель этой станции и ее изобретателя.

Вокруг света на аэроплане

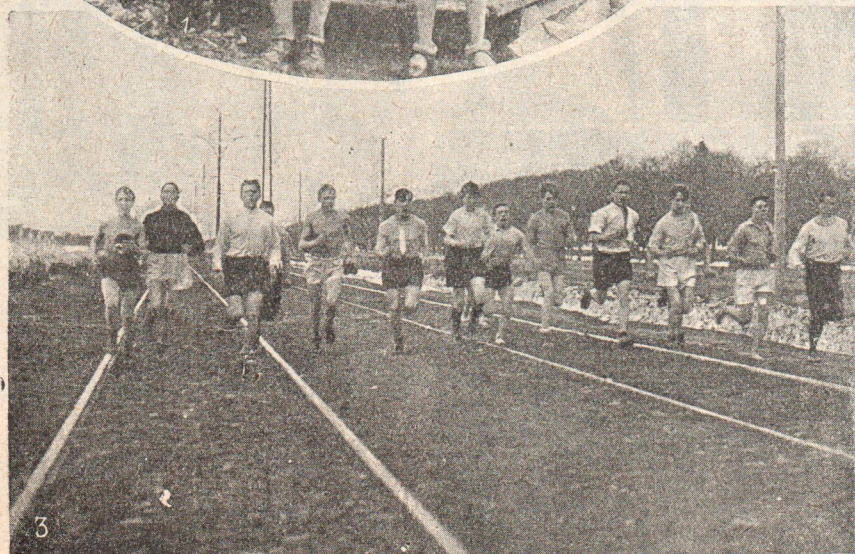
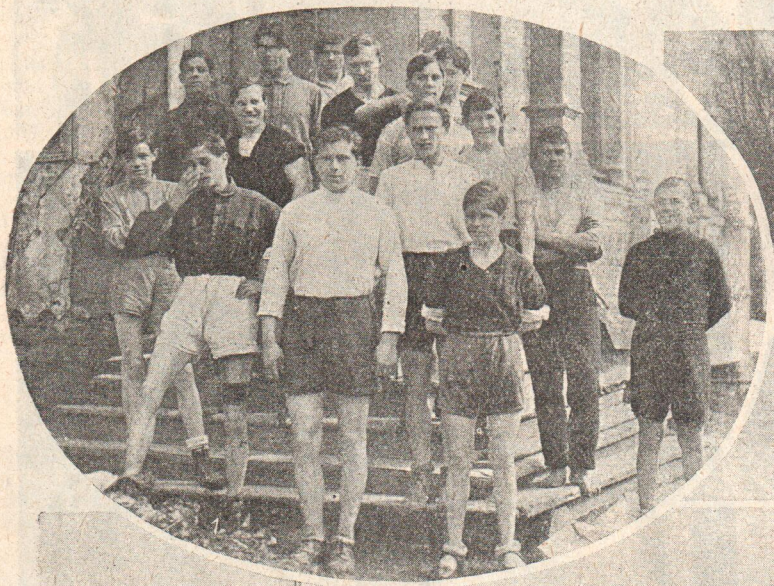
Фот. Р.-Р.-Н.-С.

Летчик Мак-Ларен, вылетевший из Соутгэмптона (Англия) в круглый перелет, прощается со своей дочерью перед отлетом из Рим.

Рабочий спорт-клуб „КИМ“. Весенний бег кросс-коутри (бег по естественно-пересеченной местности).

Фот. А. Тулеса.

1. Группа рабочей молодежи 16-ой типографии, Зав. № 1. «Дукат» и 18-ой школы, перед кроссом. Верхний ряд, слева-направо: Ефимов, Симонов, Мясоедов, Корзин, Андреев. Средний—Васильев, Носиков, Ковылов, Козлов, Звягин. Нижний—Савельев, Щукин, Епанечников, Волд.
2. «Побежали». 3. «Возвращаются». 4. Дыхательные упражнения после бега.